

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 94(470.111)(470.13)''15/16''

**Занятия населения Арктической зоны
Европейского северо-востока в XVI – XVII вв.***

Мацук М.А.¹

Аннотация. Заселение Арктической зоны Европейского северо-востока русскими и коми в XVI – XVII веках предполагало их адаптацию к суровым природно-климатическим условиям Арктики и диктовало набор разнообразных занятий населения стационарных населенных пунктов (посадских людей Пустозерского острога и черносошных крестьян Усть-Цилемской и Ижемской слобод). При этом определенную роль играла социокультурная традиция оседлого населения. Своя социокультурная традиция вместе с природно-климатическими условиями определила набор занятий ненцев. В статье проанализированы занятия этих двух больших групп населения Пустозерского уезда в реалиях жизни XVI – XVII веков.

Ключевые слова: Арктика, Пустозерский острог, Усть-Цилемская и Ижемская слободки, посадские люди, крестьяне, занятия населения, XVI – XVII века.

**Occupations of the population of the Arctic zone of the
European northeast in the 16th - 17th centuries**

Matsuk M.A.¹

Abstract. The settlement of the Arctic zone of the European northeast by Russians and Komi in the 16th - 17th centuries

assumed their adaptation to the harsh natural and climatic conditions of the Arctic and dictated a variety of occupations for the population of stationary settlements (the townspeople of the Pustozersk fortress and the state peasants of Ust-Tsilma and Izhma settlements). At the same time, a certain role was played by the socio-cultural tradition of the sedentary population. Its socio-cultural tradition, together with the natural and climatic conditions, determined the set of activities for the Nenets. The article analyzes the occupations of these two large groups of the population of the Pustozersk uezd (district) in the realities of life in the 16th - 17th centuries.

Keywords: Arctic, Pustozersk fortress, Ust-Tsilma and Izhma settlements, townspeople, peasants, occupations of the population, XVI-XVII centuries.

¹Мацук Михаил Александрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий». ул. Коммунистическая, 26, 167000, г. Сыктывкар, Российская Федерация.

Matsuk Mikhail Aleksandrovich. Dr. Sci. (History), Chief Researcher of Institute of Language, Literature and History of Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal "Historical and cultural problems of northern countries and regions". Kommunisticheskaia str., 26, 167000, Syktyvkar, Russian Federation.

E-mail: michailmatsuk@rambler.ru

© **М.А. Мацук**

*Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы НИР Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Природно-климатические условия проживания диктовали населению Арктической зоны Европейского северо-востока набор занятий для удовлетворения своих насущных потребностей.

Коренные жители данной территории – ненцы удовлетворялись тем, что давала им природа. Напомним, что они проживали как в тундре, так и в лесотундровой полосе. Иногда могли посещать острова Северного Ледовитого океана: Новую землю, Колгуев, Вайгач во время летних промыслов. Основным их занятием было кочевое оленеводство. Значительное подспорье приносили охота на тундрового и лесного зверя, а при посещении островов – морского зверя. Кроме того, они активно занимались рыболовством как на реке Печора и других реках, так и на тундровых озерах. Собирательство ягод также было одним из занятий ненцев. По данным И.П. Шаскольского «известны три основных вида занятий ненцев: оленеводство, рыболовство, охота. Оленеводство давало ненцам и основной продукт питания – мясо, и материал для одежды, обуви, и средства передвижения. Частично ненцы занимались и морским рыболовством» [7].

По свидетельству самих ненцев, изложенному в их наказе в Екатерининскую уложенную комиссию 1767 г., «жительство мы, самоедцы, имеем, как пустозерские, так устьцилемские и ижемские в летнее время, переходя с места на место для рыбной ловли, около рек и озер; а в зимнее, переходя ж с места на место для звериных промыслов» [Цитируется по: 3, С. 77].

Е.И. Колычева считала, что охота и рыбная ловля были основным, но не единственным, занятием ненцев в XVII веке. Очень большое значение в хозяйстве ненцев играло оленеводство. Евгения Ивановна писала, что «олений очень берегли и убивали на мясо только в исключительных случаях» [3, С. 79].

Приведем большую цитату из ее статьи. «Свое благосостояние ненцы ставили в прямую связь с промыслами. «Промыслы были малые, нужным платить было нечем, а у ково де и было малое, и то де проедено», – жаловались ненцы в 1707 г. Основную часть зимнего промысла ненцев, живших в тундре, составляли песцы. Лесные ненцы (ижемские и устьцилемские)

промышляли белку, горностаю, рассомаху. ... Летом охотились на диких оленей, ловили сетями «ленных» птиц: гусей, уток и т.п. Реки печорского края богаты сига́ми, семгой, щуками, омулями. Пустозерские ненцы, кроме того, летом занимались морскими промыслами. Лепехин отмечает, что охотиться на моржей и тюленей ненцы стали лишь под влиянием русских промышленных людей, и что раньше этот промысел был им незнаком. Когда ненцы стали впервые заниматься морскими промыслами, сказать трудно, но уже в 1688 г. мы находим в документах упоминание о ненецких морских промыслах» [3, С. 79].

Оленеводство Е.И. Колычева считает не первостепенным промыслом из-за величины оленьего стада у ненецких семей. Она пишет: «Для XVII в. наибольшая известная нам численность оленьего стада – 100 голов. Владелец стада в 40 голов считал себя «сильным»». Оленеводство оттеснило рыбную ловлю и охоту на второй план из-за значительного увеличения численности оленьих стад, лишь к концу XVIII в. [3, С. 79].

Другого мнения придерживался С.В. Бахрушин. В своей статье «Самоеды в XVII в.» он писал следующее: «Главным занятием кочевавших по тундре самоедов было оленеводство, продуктами которого они почти исключительно жили. Оленьи шкуры служили им для одежды и для устройства жилья. Они носили «платьишко оленье»: малицы, сокуи и парки, шитые из постель оленьих, «обуви-пимы»; в числе их имущества упоминаются одеяла из оленьих шкур. Для чумов употребляли нюки ровдужные, ременье плетеное ровдужное и веревки ременные. В некоторых местностях платили и ясак ровдугами.

Кроме оленеводства, самоеды кормились также «от промыслов и от рыбных ловель». Одним из важнейших промыслов являлась охота, в первую очередь на диких оленей («оленный промысел») и на водящихся в большом количестве в тундрах песцов («песцовый промысел»). Песцовые шкуры служили в некоторых местностях для уплаты ясака; из них выделялась также одежда – «платьишко песцовое», например «парчишка» и «малахаи» песцовые. Наконец, охота на водяных птиц, гусей и уток, снабжала кочевников мясом, которое наряду с оленьим составляло обычную их пищу» [1, С. 7].

Занятия оленеводством, охотой, рыбной ловлей предполагали наличие необходимых орудий производства, транспорта, оружия, жилища и одежды, соответствующих суровым условиям Арктики. В основном все необходимое изготовлялось в хозяйствах. Однако в XVII столетии появляются сведения об обменной торговле ненцев с русскими и коми, в результате которых у ненцев появлялись дефицитные ранее изделия из металла, в первую очередь из железа (главным образом, речь идет о наконечниках стрел, ножах и топорах). С.В. Бахрушин привел примеры, что в указанное время ненцы уже покупали у русских людей муку и даже одежду (русские однорядки) [1, С. 7, 12]. Обменная торговля предполагала развитие охоты для добычи пушного зверя – чьи шкурки, наряду со шкурами оленей, были предметом обмена со стороны ненцев.

Посадские люди Пустозерского городка занимались ремеслами, торговлей, рыбной ловлей, животноводством, охотой на перелетную птицу и собирательством. В Платежнице Пустозерской волости 1574 года упоминаются: Гриша Михайлов сын, скорняк; Игнаш Левонтьев сын, скорняк; Хляба, четочник; Васька, рожечник; Пашко Иванов сын, кузнец; Оверкейко, плотник; Чаща, сапожник [10, С. 464, 465, 466]. В XVII столетии занятия ремеслом перешли, в том числе и к пустозерским стрельцам. Вероятно, в связи с определенным запустением и деградацией Пустозерского посада (пустозерский воевода стольник Гаврила Тухачевский в мае 1680 года писал в Москву, что «торговые люди в Пустозерской острог не ездят для того, что опустело и промыслов никаких нет» [5, С. 23]), ремесленная деятельность посадских людей стала менее заметна. 1 ноября 1670 года пустозерский воевода Иван Неелов писал в Москву в Новгородский приказ, что «в Пустозерском остроге скорняков: бобровников и лисичников, и заячников, и белошников, и портных мастеров нет» [9, Л. 267]. Даже приходилось для неотложных дел приглашать мастеров из других регионов Европейского Севера России. Так, в 1677 году из Двинского уезда в Пустозерский острог был командирован кузнец Григорий Иванов для починки ружей [5, С. 19]. Он провел необходимые работы. За время его пребывания в Пустозерском остроге ему выдавалось государственное хлебное жалование. Вопрос о переселении в Пустозерский острог кузнеца поднимался с

начала 1670-х годов. Так, 9 августа 1671 года из Новгородского приказа в Двинской уезд воеводе и дьяку была послана грамота с повелением «в Пустоозерской острог з Двины послать на вечное житье кузнеца, который бы умел ружейное дело делать. А кого имянем в Пустоозеро кузнеца пошлют, о том писать к Москве». Одновременно к воеводе в Пустозерский острог была направлена грамота, в которой говорилось: «как с Колмогор кузнеца в Пустоозеро пришлют, и ему всякое кузнечное дело делать и жить ему в Пустоозере. И кто имянем прислан будет, о том отписать к Москве» [9, Л. 270 об. – 271].

Массовым занятием населения Пустозерского острога и прилегающих к нему сельских поселений была рыбная ловля. Это занятие было столь важным для пустозерцев, что они брали у государства в оброчное пользование (в аренду) [10, С. 469 - 473] рыболовные угодья и основывали там стационарные населенные пункты (смотри более подробно параграф о формировании стационарных поселений), несмотря на сохранявшуюся опасность нападений воинственных кочевников. Основные места вылова семги находились в общеволостном владении пустозерцев. Пустозерцы ловили красную рыбу (семгу) в устье реки Печора и на морских тонях и разнообразную белую рыбу в реках и озерах поблизости от Пустозерского острога. В Платежнице 1574 года указано: «А се угодья Пустозерские волости жильцов русаков и пермяков, всей волости реки и речки, и тони, и озера от Усть-Цылемские межи от речки Домыслы: река Печера, речка Шапкина, речка Лаписа, тоня на Челп-острове, речка Сулома, речка Сува, тоня Щелейкина по конец Юропонова шару, тоня Бородатая, тоня Мясникова, тоня Здирки, тоня Ловецкой остров, тоня Матерок по конец Ловецкого острову.

Да их же угодья на морском берегу тони, рыбные ловли, от усть Печеры реки в морской конец в Болвановской губе: тоня Крестовая, тоня Прилучная, тоня Носовая, тоня Дрестьва.

И всего река да четыре речки да одиннатцать тонь. А ловят в тех реках и на тонях красную рыбу семгу всею волостью.

Да их же угодья река Уса да Пусто озеро, что по дворы, а ловят в реке и в озере белую рыбу всею ж волостью» [10, С. 468].

То же сохранилось и в XVII столетии.

Рыбная ловля давала не только продукт питания для пустозерцев, но и предмет торговли с приезжими купцами. Рыба, вероятно, выменивалась на муку и крупы, а также одежду, обувь и орудия труда, включая рыболовные сети, которые также поставлялись в Пустозерский уезд. Так, в 1676/77 году в уезд было ввезено 100 сажений неводных сетей, в 1678/79 году – 60 сажений, в 1679/80 году – 150 сажений [6, С. 135]. Наибольший объем товарной массы, вывозимой из Пустозерского уезда, составляла рыба. Бочками вывозились на российский рынок соленая семга, щука, сиг, омуль и другая рыба. По данным Э.Д. Красильниковой, из Пустозерского уезда (главным образом из Пустозерского острога и прилежавших к нему сельских населенных пунктов) на российский рынок только через Великоустюжскую внутреннюю таможенную границу было вывезено:

1. В 1633/34 году семги и лоховины 365 штук и 2 бочки; нельмы 110 штук и одна бочка; сегов 78,5 обычных бочек и 10 «беремянных» бочек; омулей 3 бочки (кроме того, 4 бочки сегов и омулей).
2. В 1635/36 году семги и лоховины 1873 штуки и 4 бочки; сегов 39 бочек; кроме того, неуказанное количество печорской рыбы на 89 рублей – очень большую сумму.
3. В 1652/53 году семги и лоховины одна бочка; сегов 30 бочек.
4. В 1655/56 году семги и лоховины 137 штук, 19,5 бочек и 32 пуда (свыше 500 килограммов); сегов 106,5 бочек; омулей 0,5 бочки.
5. В 1678/79 году семги и лоховины 15 пудов, 23 бочки и 5 полубочек; сегов 53,5 бочки и 6 полубочек; чиров и пелядей 4 пуда.
6. В 1679/80 году семги и лоховины 19 пудов 20 фунтов, 12 бочек и 4 полубочки; нельмы 5 пудов; сегов 82 бочки; чиров и пелядей 17 пудов.

Через Сольвычегодскую внутреннюю таможенную границу прошло печорской рыбы:

1. В 1634/35 году семги и лоховины 208 штук; сегов 15 штук, 119 бочек, 3 полубочки и 6 пудов.
2. Только за сентябрь – декабрь 1635 года семги и лоховины 4795 штук, 15 бочек и неустановленное количество рыбы на 6 рублей; сегов 178 бочек.

3. В 1651/52 году семги и лоховины 43 бочки, 25 штук и 5 пудов; сигов 17 бочек; омулей одна бочка; пелядей и чиров свежих 1600 штук.
4. В 1655/56 году семги и лоховины 104 штуки, 53,5 бочки и 10 пудов; нельмы одна бочка; сигов 30 бочек и 8 полубочек.
5. В 1677/78 году семги и лоховины 15 бочек и 1,5 пуда; сигов 60 бочек и 2 полубочки.
6. В 1678/79 году семги и лоховины 11 бочек, 4 полубочки и 8 пудов; сигов 46 бочек и 6 полубочек; пелядей и чиров 5 пудов [4, С. 40, 41].

Вторым массовым занятием населения Пустозерского острога являлся сбор дудника, или как его называли местные жители – борщ трава. Это растение было настолько важным для жителей Пустозерского острога, что при его неурожаях, наступавших во время засушливых весны и лета, в регионе наступал голод. Как отмечал в своем письме в Новгородский приказ пустозерский воевода стольник Гаврила Тухачевский в 1679 году пустозерцы массово бежали от голода потому что «у них по жиром трава борщ не родилась и рыбы в улове нет» [5, С. 15].

Достаточно массовым было занятие пустозерцев скотоводством. Пустозерцы разводили крупный рогатый скот, меньше – лошадей и, вероятно, также сколько-то овец и свиней. Вероятно, направление скотоводства было мясо-молочное. Так, «в 40-х гг. XVII в. во время нападения ненцев на деревню Лабажскую у 5 семей было побито и расхищено лошадей – 4, коров – 23, нетелей – 9, телок – 4, быков – 7, масла – 6,5 пуда, молока – 10 бочек» [2, С. 58]. Сенокосные угодья в окрестностях Пустозерского острога встречались не часто, поэтому все более пригодные для заготовки сена участки были еще в XVI столетии взяты в аренду посадскими людьми. Всего в писцовой (дозорной) книге Василия Третьякова сына Агалина и подьячего Степана Федорова сына Соболева 1574 года указано 22 оброчных участка сенных покосов и несколько участков, которыми без уплаты оброка пользовались члены церковного клира храмов Пустозерского острога. Размер участков неизвестен, но косвенно их размер и качество произраставшей там травы можно определить по величине оброка, вносимого

арендаторами в государственную казну. И так, платили: 5 алтын (15 копеек), 10 алтын (30 копеек), 14 алтын (42 копейки), 25 копеек, 10 алтын (30 копеек), 20 алтын (60 копеек), 10 алтын (30 копеек), 6 алтын (18 копеек), 20 алтын (60 копеек), 10 денег (5 копеек), 10 копеек, 4 алтына (12 копеек), 8 денег (4 копейки), 4 алтына (12 копеек), 1 алтын (3 копейки), 4 алтына (12 копеек), 20 копеек, 1 алтын (3 копейки), 5 алтын (15 копеек), 3 деньги (1,5 копейки), 10 алтын (30 копеек), 5 алтын (15 копеек) [10, С. 473 - 478]. Сведем эти данные в таблицу:

Таблица 1. Величина оброчных платежей за сенокосные угодья пустозерских посадских людей.

Величина оброчных платежей по мере фиксации писцами, в копейках	Величина оброчных платежей по размеру по мере возрастания, в копейках
15 копеек	1,5 копейки
30 копеек	3 копейки
42 копейки	3 копейки
25 копеек	4 копейки
30 копеек	5 копеек
60 копеек	10 копеек
30 копеек	12 копеек
18 копеек	12 копеек
60 копеек	12 копеек
5 копеек	15 копеек
10 копеек	15 копеек
12 копеек	15 копеек
4 копейки	18 копеек
12 копеек	20 копеек
3 копейки	25 копеек
12 копеек	30 копеек
20 копеек	30 копеек
3 копейки	30 копеек
15 копеек	30 копеек
1,5 копейки	42 копейки
30 копеек	60 копеек
15 копеек	60 копеек

Итак, мы видим колоссальный разрыв (в 40 раз) между минимальным и максимальным размерами платежей. Возможно, участок сенокосного угодья, арендованного Федором Дмитриевым «от Сухого шару по Курбуи-виски, да по Курбуи-озерку до волочка до Середнего шарку сенные покосы» за который он платил оброку по три деньги на год [10, С. 476] приносил мало травы, что не позволяло держать большое количество скота. В то же время, участки, арендованные за максимальную плату в 60 копеек в год, брались в аренду у государства несколькими семьями. Так, один участок «на Пустозерском шару от усть Пустозерские виски за шаром прямо да вниз по шару и верхней подъем весь до прилука сенные покосы» были взяты Гридей Васильевым, Тимофеем Спиридоновым, Антоном и Юшкой Семеновыми детьми, Степаном Шадовым, Марком Кузьминым, Силой и Самылкой Лукьяновыми детьми [10, С. 474], всего 6 семей. А другой участок «от ручья от Сумароковы межи вверх до Пановы-курьи и по Панове-курьи до Лар-виски, да по Захребетью зимнею дорогою, что за Печеру ходят, да против Пановы-курьи на верхнем конце Нербур-виска, да от Небур-виски вниз наволок против Сумарокова стану сенные покосы» был в пользовании у «Поздейка Ушакова з братьею, да Корнилка Гавшова, да Логинка Козлова, да Петрока Задорина з братьею, да Архипка Онтонова сына» [10, С. 475], всего 5 семей. Итак, приведенные данные не позволяют говорить о концентрации сенокосной земли в руках более зажиточный посадских людей. Более значительные по размерам участки, вероятно, давали возможность в то же время заготавливать больше сена в расчете на одну семью и содержать больше скота. Всего арендаторами были представители 64 семей пустозерских посадских людей. Это говорит о массовом характере занятия скотоводством населения Пустозерского острога.

Вероятно, в XVII столетии пустозерские посадские люди начали заниматься оленеводством. В нашем распоряжении находится только один факт наличия у пустозерца определенного количества оленей. Пустозерский воевода стольник Гаврила Тухачевский извещал руководство Новгородского приказа, что «в нынешнем во 187-м (1678/79 – М.М.) году, приехав изгоном, самоядцы роду Тысыня Хлылейко Вампеев с товарищи у **пустозерца у Ивашка Максимова**

сына Дьяконова увели **18 оленей** (выделено нами – М.М.)» [5, С.15]. Как видим, оленье стадо И.М. Дьяконова было небольшое, да и то он, вероятно, выпасал с помощью нанятых им ненцев.

Для получения необходимых денежных средств пустозерским посадским людям иногда приходилось прибегать и к другим способам заработка. Одним из них была добыча плывших по реке Печоре деревьев, разделка добытых бревен на дрова и продажа желающим в Пустозерском городке. Данный процесс нашел отражение в письме пустозерского воеводы Гаврилы Яковлевича Тухачевского в Новгородский приказ в Москву. Он писал следующее: из-за того, что Пустозерский острог располагался в тундре, то есть безлесном месте «дрова в Пустозерском остроге добывают с великою нуждою, и то в одну пору – в веснь, как приносят рекою Печорою. И тот плавной лес собирают по берегу и секут в малые поленца для того, что возят те дрова в малых лотках. А в Пустозерском остроге продают тех плавных дров сажень по 2 гривны и по 7 алтын. А на лошадях возят ту сажень дров на двух возах» [5, С. 17].

Занимались пустозерцы лесозаготовками и лесосплавом, причем места лесозаготовок были весьма далеко расположены от Пустозерского городка. По свидетельству пустозерского воеводы Г.Я. Тухачевского «гоняют пустозерцы лес водою из дальних мест, из Ижемской слободки, от Пустозерского острогу 500 верст» [5, С. 16].

Население Усть-Цилемской и Ижемской слободок, расположенных в более благоприятных, чем Пустозерский острог, местах занимались рыболовством, охотой, скотоводством и земледелием.

В XVI веке рыбная ловля была главным занятием устьцилемов и ижемцев, приносившая им основную долю потребляемых продуктов питания. Всего при основании слободки Усть-Цильма И.Д. Новгородцеву-Ластке были для населения слободки предоставлены в качестве волостных угодий 14 тонь и 6 рек и речек, впадающих в реку Печора: «тоня по конец Денисовы речка Лая, тоня на Новом песку, тоня на Шихе песку, тоня на острове против Николы-Чюдотворца, тоня устьи Зевы-реки, тоня на Белой слуде, тоня Климовская, тоня на Камбалемском песку по другой стороне с нижнего конца вверх по реке по Печере от Пустозерские межи от реки от Мылы, тоня

Балевская на Мелком песку, тоня на Тюфякове песку, тоня по конец Чюхчины горы верхнего конца, тоня на Чирцове песку, тоня на Болвановском песку, да река Цыльма по Косму, да речка Ероса, да речка Косма, да речка Пезма, да речка Ижма до Великие пожни» [10, С. 481-482]. На тонях устьцилемы могли ловить семгу, а на речках и реках – разнообразную белую рыбу. Если при основании слободка Ижемская рассматривалась как выселок из Усть-Цилемской слободки, то ижемцы в полной мере могли пользоваться указанными рыболовными угодьями. Если же ижемцы получили свою слободскую жалованную грамоту, то им было официально выделены другие рыболовные угодья.

Как и пустозерцы, устьцилемы и ижемцы поставляли рыбу на российский рынки. Некоторое представление об этом дают сведения по более позднему периоду – первой половине XVIII столетия. По данным Т.В. Павлины только через таможеню в селе Усть-Цильма в 1730 году было вывезено: семги соленой 38 бочек, сига соленого 33 бочки, нельма и пелядь свежие 12 пудов, семга свежая 17 пудов, сиг свежий 8 пудов, щука свежая 109 пудов [8].

Вторым по значимости занятием населения Усть-Цилемской и Ижемской слободок была охота. Причем перечисленные выше реки и речки использовались как место охоты на бобров [10, С. 482], наряду с красной рыбой служившие основным источником получения денежных средств. Конечно, все существовавшие в окрестных лесах крупные и пушные звери, а также перелетные птицы также являлись предметом охоты для устьцилемов и ижемцев.

Как и посадские люди Пустозерского острога крестьяне Усть-Цилемской и Ижемской слободок заготавливали и использовали в пищу дудник (борщ траву). Еще в середине XVII столетия это растение, наряду с рыбой считалось у них основным продуктом питания. В 1661 году целовальники Усть-Цилемской и Ижемской слободок писали в Москву в Новгородский приказ, что они питаются «борщом травую и рыбою». Это происходило из-за того, что по их словам «у нас хлеб не родитца» [2, С. 57].

Земледелие все же в Усть-Цилемской и Ижемской слободках было. Еще в писцовой (дозорной) книге Пустозерской волости Василия Третьякова сына Агалина и подьячего Степана Федорова сына Соболева 1574 года отмечалось: «Да в той же

Целемской слободке хлебные пашенки позаде дворов их в капустных огородишках их же новые розчисти: всею волости пашенки пять чети; и они те пашенки в-ыной год пашут, а в-ыной год и не пашут, потому, что морозом убивает. Да их новые розчисти, а на тех розчистях косят они сено» [10, С. 482]. В XVII веке, вероятно, площадь распаханых под пашню земель увеличилась по сравнению с 70-ми годами XVI столетия. Плюс появились пахотные земли в стремительно заселявшейся Ижемской слободке.

Скотоводство в этих населенных пунктах также, несомненно, присутствовало. Однако нет прямых указаний на количество скота в хозяйствах устьцилемов и ижемцев.

По предположению Э.Д. Красильниковой в XVII веке ижемцы стали заниматься оленеводством. Она писала: «Ижемцы с середины XVII в. начали приобретать стада оленей, которых отдавали на выпас более опытным в этом деле ненцам» [2, С.59].

Естественно, что в Усть-Цилемской и Ижемской слободках развивалось домашнее ремесло для удовлетворения насущных нужд семьи.

Таким образом, занятия населения Арктической зоны Европейского северо-востока диктовались как природно-климатическими условиями проживания населения, так и этнокультурными доминантами оленеводов-кочевников и оседлого населения. В целом можно сказать, что описанные выше занятия населения позволяли ему не только выживать в суровых условиях Арктики, но и развивать данную территорию Московского государства.

Список литературы и источников

1. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. Часть вторая. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955.
2. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1978.
3. Колычева Е.И. Ненцы Европейской России в конце XVII – начале XVIII века // Советская этнография. № 2. 1956.
4. Красильникова Э.Д. Торговля и торговые люди Коми края в XVII в. Доклад на заседании президиума Коми филиала АН СССР 21 декабря 1972 г. // Серия препринтов Коми филиала

- Академии наук СССР «Научные доклады». Выпуск 5. Сыктывкар, 1972. С. 40, 41.
5. Мацук М.А. Арктическая зона Европейского Севера России в XVII веке: повседневная деятельность воевод Пустоозерского уезда в их письмах (отписках) в Москву // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. № 4 (52). 2020.
 6. Мацук М.А. Коми край от Бориса Годунова до Петра I. Очерки истории коми крестьянства конца XVI – XVII вв. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1993. С. 135.
 7. Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV – начало XVII в. Под редакцией А.Н. Насонова, Л.В. Черепнина, А.А. Зимина. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 653.
 8. Павлина Т.В. Таможенное дело и развитие торговли в Коми крае в конце XVI – середине XVIII вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Сыктывкар, 2014. С. 228.
 9. Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Д. Новгород № 82.
 10. Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950.

References

1. Bakhrushin S.V. *Nauchnye trudy* [Scientific works]. Moscow, 1955, vol. 3, part 2.
2. *Istoriia Komi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [History of the Komi ASSR from ancient times to the present day]. Syktyvkar, 1978.
3. Kolycheva E.I. Nentsy Evropeiskoi Rossii v kontse XVII – nachale XVIII veka [Nenets of European Russia in the late 17th - early 18th centuries]. *Sovetskaia etnografiia* [Soviet Ethnography], 1956, no. 2.
4. Krasil'nikova E.D. Torgovlia i torgovye liudi Komi kraia v XVII v. Doklad na zasedanii prezidiuma Komi filiala AN SSSR 21 dekabria 1972 g. [Trade and trading people of the Komi Territory in the 17th century. Report at the meeting of the presidium of the Komi branch of the USSR Academy of Sciences on December 21, 1972]. *Seriia preprintov Komi filiala Akademii nauk SSSR*

- «*Nauchnye doklady*» [Series of preprints of the Komi branch of the USSR Academy of Sciences "Scientific reports"]. Syktyvkar, 1972, iss. 5, pp. 40, 41.
5. Matsuk M.A. *Arkticheskaia zona Evropeiskogo Severa Rossii v XVII veke: povsednevnaia deiatel'nost' voevod Pustoozerskogo uezda v ikh pis'makh (otpiskakh) v Moskvu* [The Arctic zone of the European northeast of Russia in the 17th century: the daily activities of the governors of the Pustozersky county in their letters ("formal replies") to Moscow]. *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territorii* [Historical and cultural problems of northern countries and regions], 2020, vol. 52, no. 4.
 6. Matsuk M.A. *Komi krai ot Borisa Godunova do Petra I. Ocherki istorii komi krest'ianstva kontsa XVI – XVII vv.* [Komi region from Boris Godunov to Peter I. Essays on the history of the Komi peasantry at the end of the 16th - 17th centuries.] Syktyvkar, 1993.
 7. *Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma. Konets XV – nachalo XVII v.* [Essays on the history of the USSR. The period of feudalism. Late 15th - early 17th century] (ed. Nasonov A.N., Cherepnin L.V., Zimin A.A.). Moscow, 1955, p. 653.
 8. Pavlina T.V. *Tamozhennoe delo i razvitie torgovli v Komi krae v kontse XVI – seredine XVIII vv.: dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Customs and development of trade in the Komi Territory at the end of the 16th - the middle of the 18th centuries: dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Syktyvkar, 2014, p. 228.
 9. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 137, Inv. 1, File Novgorod no. 82.
 10. Sadikov P.A. *Ocherki po istorii oprichniny* [Essays on the history of the oprichnina.]. Moscow-Leningrad, 1950.